

Затхлая вонь смешивалась с запахом свежей крови и чувствовалась даже за пределами камеры в тупике между глухих стен. Мужчина и женщина, которые ещё месяц назад в кровати притворялись влюблёнными, теперь сменили роли. Фань Сянь слегка нахмурился при виде жалкого облика этой женщины. Раньше он думал, что у них произойдёт что-то чудесное, словно в романах эпохи Мин или Цин, или он, как Бай Лэтянь*, заберёт её к себе в дом. Кто же мог знать, что эта история закончится, даже не начавшись. Однако сожалеть было не о чем: раз противник попытался убить тебя, то, как и говорил учитель Фэй Цзе, проявить излишнее сочувствие будет действительно крайне безответственно по отношению к себе и окружающим.

Встретив горький взгляд её глаз, Фань Сянь мягко и спокойно объяснил:

— Я думаю, жизнь такая штука, что если уж заполучил что-то в руки, надо держаться за это. Только поэтому я отдал тебе яд. Ты же понимаешь, что твоя смерть не принесёт мне никакой пользы, так что не надо так смотреть на меня. Мне тебя всё ещё жаль, но виноватым я себя не чувствую. Ваш убийца раздавил головы трёх моих охранников, как гнилые арбузы, кто станет переживать из-за твоей смерти?

Он махнул рукой.

— Может, ты не веришь. Раньше я страшно ненавидел эти Небеса. Считал, что всю жизнь совершаю добрые дела, но получил в итоге самый жалкий конец. Если бы от ненависти был толк, то от моей в Небесах уже появилось бы, наверное, несколько миллионов дырок. Только позже я понял, что пока у нас есть способность контролировать своё тело, нужно быть благодарным за те дни, что ещё можно прожить.

Сы Лили хранила молчание, только осторожно подняла израненные руки, чтобы не касаться колючей соломы.

— Барышня Сы, скажу так: в мире нет ничего важнее собственной жизни, — Фань Сянь спокойно добавил: — Ты из государства Цин, но работала на Северную Ци. Ты от столького отказалась, и, оказывается, не ради денег, а ради такой причины, как месть. Я не знаю, правдивы ли слухи, что ходят о тебе в столице, но если ты собираешься что-то сделать, нужно иметь гарантию собственной жизни, а чтобы выжить, приходится платить определённую цену.

Сы Лили резко подняла голову. Хотя свет в её глазах был тусклым, словно лампадка в гробнице, он всё никак не угасал. Спустя долгое время она произнесла сквозь зубы:

— Как ты можешь гарантировать мне жизнь?

Фань Сянь взбодрился и присел на корточки со словами:

— Ты только сегодня прибыла в столицу, а я в тот же день пришёл в тюрьму допросить тебя. Попробуй угадать мой ранг в Контрольной палате.

Сы Лили слабо покачала головой:

— Думаешь, я тебе поверю?

— Это не имеет отношения к вере, — мягко сказал Фань Сянь, — это всегда только риск. Но теперь ты несвободна, потому что у тебя нет возможности выбора между жизнью и смертью.

Взгляд Сы Лили беспомощно блуждал, словно от волнения. Она повернула голову и взглянула на прекрасное лицо Фань Сяня. Сама не зная почему, она припомнила ночь, проведенную ими вместе на цветочной лодке, и непонятная ненависть вспыхнула в её сердце. Она, словно безумная, бросилась вперёд и плюнула Фань Сяню в лицо.

Фань Сянь уклонился, очень удивившись. Было заметно, что её психологический барьер вот-вот ослабнет, отчего же она вмиг так изменилась? Откуда ему было знать, что, будь то в прошлой жизни или в этой, чем бы она ни занималась, мысли этой женщины были недостижимы и неуловимы, словно игла на дне моря или песчинка в горах.

Фань Сянь почувствовал некоторое раздражение. Прямые, словно листья ивы, брови крепко нахмурились, выражение лица постоянно менялось — непонятно, о чём он сейчас размышлял. Он вспомнил, что командир патруля прошлой ночью покончил с собой, и подумал, что военный советник в Учжоу тоже, возможно, мёртв. Он знал, что противник действует быстро и безжалостно: казалось, чтобы поймать человека, который хотел с ним разобраться, у него были только показания Сы Лили. Если её признание запоздает, есть опасения, что человек, связанный с Сы Лили, умрёт или исчезнет. И за столь малое время пыток вряд ли будет достаточно, чтобы сломить дух этой шпионки Северной Ци. К сожалению, сейчас Фань Сяню требовалось именно время, иначе можно было бы спокойно промариновать её несколько дней, ничего не боясь.

Видя, что ничего от неё не добьётся, Фань Сянь с разочарованным видом встал на ноги у решётки, словно собираясь с Ван Цинянем уходить. Вдруг он глубоко вздохнул, нахмурился и вернулся к камере, холодно глядя на арестованную сквозь решётку. Ван Цинянь взглянул на него удивлённо.

Голос Фань Сяня звучал равнодушно:

— Скажи, кто это сделал, и я клянусь именем моего предка в этом мире, что обязательно выпущу тебя отсюда.

Ответом ему было гробовое молчание, но Фань Сянь не мог так просто сдаться. Его взгляд стал нежнее, и он посмотрел в лицо Сы Лили и на её кровоточащие руки, которые она держала перед собой.

Сырой воздух тюрьмы отдавал плесенью, и разделяющая Фань Сяня и Сы Лили решётка, казалось, тоже начала плесневеть от старости. Неизвестно, сколько так прошло времени. Сы

Лили всё так же с силой прикусывала нижнюю губу и молчала. Было очевидно, что в её душе происходила мучительная борьба. Фарфоровая бутылочка с ядом, которую бросил ей Фань Сянь, сейчас спокойно лежала на соломе, под её рукой, и, казалось, источала странный запах.

Спустя долгое время Фань Сянь вздохнул и, казалось, сдался. Перед уходом он сказал Сы Лили напоследок:

— Ты так складываешь руки... как милый щеночек.

Ван Цинянь всё время чувствовал, что молодой господин Фань немного нервничает, но в подобной ситуации он всё ещё мог высмеивать вражескую шпионку. У Фань Сяня, однако, не было такого намерения, он сказал это совершенно неосознанно. Конечно, он не знал, какой эффект сразу же окажет его случайное замечание и что оно принесёт впоследствии.

Сы Лили, услышав, что её сравнили с милым щеночком, была поражена.

К всеобщему удивлению, шпионка прыснула от смеха, и от этого выражение её лица изменилось. Неизвестно, о чём она думала, но чувствовалось, что её дух сейчас совершенно расслабился, словно, улыбнувшись, она сбросила с плеч какое-то бремя, и вся её душа, робко прячущаяся в этом брэнном теле, теперь настоятельно молила о выживании. Ей стало приятно, словно она сидела в тёплой воде, и она действительно начала скучать по радостям жизни.

Так что она медленно подняла голову, и посеревшие губы слегка шевельнулись, когда она произнесла:

— Господин У.

Имя «Господин У» Фань Сянь отчётливо расслышал и изумлённо оглянулся на Ван Циняня. Тот кивнул, подтверждая, что знает это имя, Фань Сянь облегчённо выдохнул, и поток возбуждения захлестнул его сердце. Он протянул руку сквозь решётку и под непонимающим взглядом Сы Лили забрал из сена бутылочку с ядом, сказав ей:

— Спасибо.

Затем он повернулся и ушёл.

Сы Лили, казалось, что-то поняла.

Окровавленные руки крепко вцепились в решётку, и она горько закричала вслед ушедшим:

— Не забывай, ты поклялся именем предков.

После того, как тяжёлые железные ворота беззвучно закрылись, в тюрьму Контрольной палаты вернулись спокойствие и сумрак. Заключённые здесь обычно отходили в мир иной в течение нескольких дней, так что их сейчас оставалось не так много, и разносившиеся из самого дальнего тупика смутные всхлипы были отчётливыми и очень печальными.

Спустя короткое время начальник тюрьмы почтительно вывез из секретной комнаты кресло на колёсах. Чэнь Пинпин отдыхал в инвалидном кресле, прикрыв глаза, но вдруг открыл их и спросил:

— Как вам этот начальник отдела, что я выбрал?

Естественно, он имел в виду Фань Сяня.

Начальник тюрьмы задумался:

— Из «злобного сердца и жестоких рук» в нём есть только половина.

— Которая?

— Его руки могут быть жестокими, но в душе он всё ещё нежный мальчик.

Чэнь Пинпин улыбнулся, и на его старческом лице проявилось удовлетворение:

— Вот и хорошо, вот и хорошо. Лучше иметь нежное сердце, но безжалостные приёмы, чем жестокую душу и порочные манеры. По крайней мере, мы обманом получили информацию от Сы Лили.

Начальник тюрьмы спокойно спросил:

— Что делать с Сы Лили?

Чэнь Пинпин немного подумал и равнодушно ответил:

— Посмотрим, если удастся её перевербовать, попробуем. Если нет, разумеется, убить.

— Не нужно сообщать господину Фаню?

— Я собираюсь передать ему Контрольную палату, но поскольку сейчас у него нет необходимых способностей, то, конечно, нет необходимости ему знать слишком много.

— Слушаюсь, — ответил начальник тюрьмы и добавил: — Первый отдел готов выдвигаться.

Чэнь Пинпин закашлялся. Сейчас все гражданские и военные чиновники думали, что он задержался во дворце, и никто бы не догадался, что он сам посетил тюрьму. С трудом, но кашель прошёл, Чэнь Пинпин жестом приказал начальнику тюрьмы увезти себя, немного подумал с закрытыми глазами и сказал:

— Поскольку господин У уже убил командира патруля Фана, он, вероятно, к этому времени уже покинул столицу. Боюсь, уже слишком поздно.

Начальник тюрьмы пожал плечами. В то время он возглавлял седьмой отдел и всегда свысока смотрел на эффективность работы первого отдела. Такое дело, как расследование, тоже было ему неинтересно, поэтому он не слишком беспокоился, смогут ли поймать господина У. Просто у него заняла голова от зрелища длинного коридора, и он сказал:

— Господин глава, вам больше не стоит ходить подслушивать, эту коляску очень трудно поднимать.

Чэнь Пинпин улыбнулся. Выйдя из дворца, он сразу направился сюда именно чтобы посмотреть на сына своего старого друга — как он выглядит и сможет ли он взять на себя всё, что для него приготовлено. Что касается убийства на улице Нюлань, он, как и У Чжу, не особо думал о нём. Это была такая мелочь, и если бы Фань Сянь умер в таких обстоятельствах, то о нём не стоило бы слишком переживать. А вот изучение способностей, которые Фань Сянь использовал, чтобы разобраться с этим делом, имело более важное значение.

Это была проверка.

Не зная этого, Фань Сянь поспешил из тюрьмы вместе с Ван Цинянем. Он узнал от него, что господин У был известным советником в столице, который всегда колебался между вторым принцем и наследным, не имея выраженной позиции. Ходили слухи, что за многими вещами в политике стояла устрашающая фигура этого человека средних лет.

Фань Сянь слегка приподнял брови, и его красивое лицо немного посерьёзнело. Он понимал, что его противник, этот старый лис, определённо додумался, как скрыть все улики, и сейчас он уже, наверное, сбежал в какие-нибудь горы, где поселился в уединении. Так называемые советники больше всего любили заниматься подобным — подождав сколько-то лет, пока шум уляжется, они вприпрыжку возвращались и продолжали отравлять всё своими дурными намерениями.

— Как можно проверить, что Сы Лили сказала правду? — Ван Цинянь попросил у него указаний.

Фань Сянь спокойно ответил:

— Очень просто. Если У Боань всё ещё в столице, он не виноват. Если он уже сбежал — виноват.

Самое простое суждение, возможно, ближе всего к истине. В этом мире человеческое невежество столько всего усложняет.

Ван Цинянь снова нервно спросил:

— Неужели вы действительно хотите отпустить Сы Лили? Господин, у вас сейчас нет таких полномочий, но прежде...

Хотя люди в Контрольной палате никогда не почитали ни богов, ни демонов, в отношении предков они проявляли непомерное уважение.

Фань Сянь не ответил ему, только подумал, что его предки в этом мире... похоже, имели к нему мало отношения. Зная, что ему сейчас неудобно было показываться на люди, он попросил Ван Циняня известить первый отдел. Му Те знал его статус и должен был поверить Ван Циняню. Когда они расстались, Фань Сянь подал тайный знак куда-то в темноту на углу улицы, подтвердив имя У Боаня человеку, который там скрывался.

Устроив всё это, Фань Сянь без спешки вернулся в поместье Фань, перемахнул через стену и спокойно лёг в постель в ожидании завтрашних новостей. Как только Ван Цинянь пришёл в Контрольную палату, он с удивлением обнаружил, что сотрудники первого отдела уже готовы к работе. Му Те улыбался, глядя на него.

В ту ночь в столице было спокойно, Фань Сянь, вернувшись в поместье Фань, поприветствовал всех и вошёл в секретную комнату, которую вытребовал у отца. С осторожностью он вытащил из-за пазухи плотно запечатанный кожаный мешочек и выудил из него фарфоровый флакон. Эта бутылка была тонко сработана из зелёного фарфора, а поры в ней были больше, чем у обычного фарфора, поэтому могли удерживать слабый аромат. Фань Сянь на самом деле потратил немало усилий, чтобы заставить Сы Лили ослабить бдительность. Он достал из угла глиняный горшок, открыл крышку, и одуряющий запах, ударивший в нос, чуть не вызвал у него лёгкое головокружение.

Поставив флакон обратно в глиняный горшок, Фань Сянь вернулся в спальню и беспокойно заснул, путаясь ногами в тонком шёлковом одеяле. На следующий день приехал с докладом Ван Цинянь и со стыдом поведал, что У Боань уже покинул столицу. Фань Сянь заранее ожидал этого и не был разочарован.

Примерно в восемнадцать ли от столицы есть поместье, вдали можно увидеть снежные вершины горы Цаншань. Даже в начале лета в поместье всё ещё было очень прохладно. Виноградные беседки уже покрылись листьями, и пышная зелень радовала глаз.

У Боань, о котором со столькими трудностями узнал Фань Сянь, в это время безмятежно сидел в беседке. Глядя на молодого человека — своего собеседника — он с лёгким порицанием сказал ему:

— Ты не должен был приезжать.

Этим молодым человеком был Линь Гун, второй сын премьер-министра. Он посмотрел на У Боаня и преувеличенно вежливо сказал:

— Раз господин У вынужден покинуть столицу, естественно, я должен сопровождать его.

* Бай Лэтянь — поэт эпохи Тан

<http://tl.rulate.ru/book/96718/1545688>